

*¹ Смагулова С. Р. ² Абжаппарова Б. Ж.

^{1,2} Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан

E-mail: ¹sabina.sm04@mail.ru, ²hadisha_1960@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ «КОРЕЙСКОЙ МЕЧТЫ» У МОЛОДЕЖИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. Исследование представляет собой комплексный анализ феномена «корейской мечты» как нового социокультурного конструктора, формирующего устойчивые миграционные тенденции среди молодежи стран Центральной Азии (преимущественно Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана). Целью данной работы является выявление и анализ механизмов формирования «корейской мечты». Значение работы состоит в понимании причин сдвига традиционной миграционной траектории, вызванного геоэкономическими изменениями и растущим культурным влиянием «корейской волны». Исследование трактует это явление как своеобразный социокультурный механизм, выражающий устойчивое желание молодого поколения к социальной мобильности и экономической свободе. Новизна заключается в комплексном анализе феномена посредством интеграции концепции «мягкой силы» Дж. Ная и теоретической модели «воображаемых миров» А. Аппадурай. Такой подход позволяет раскрыть механизмы формирования символического окрашенного, а не только экономически мотивированного, миграционного намерения, создаваемого культурной привлекательностью Южной Кореи. Ключевой тезис работы состоит в демонстрации того, что «корейская мечта» функционирует как культурная альтернатива западному идеалу успеха, предлагая в качестве ключей к достижению успеха принципы дисциплины, коллективизма и трудолюбия. Исследование реализовано посредством комплексного методологического подхода, включающего анализ статистических данных, научной литературы и анализа интернет пространства. Выявлены четыре ключевых катализатора «корейской мечты», как медийное воздействие, образовательная мобильность, высокие экономические стимулы и социально-культурные предпосылки. В результате обнаружен центральный парадокс: существенный разрыв между романтизированными ожиданиями и реалиями корейского рынка труда. Тем не менее, мотивация к длительному пребыванию остается высокой. Это объясняется тем, что Корея, даже в условиях тяжелого труда, предоставляет мигрантам реальную возможность для обретения экономической независимости и социальной мобильности, труднодоступной в условиях страны происхождения. Заключение подтверждает, что «корейская мечта» функционирует как стратегический этап для аккумуляции человеческого и финансового капитала, отражая транснациональный характер современной миграции.

Ключевые слова: Южная Корея, Центральная Азия, миграция, корейская мечта, мягкая сила, корейская волна, молодежь, трудовая миграция, социальная мобильность.

Введение

Традиционная траектория миграции из Центральной Азии после 1991 г. вела на российский рынок труда. Однако экономические изменения и ужесточение миграционного законодательства привели к формированию нового направления трудовой эмиграции, где Республика Корея становится одним из привлекательных центров притяжения. Этот сдвиг, помимо экономических причин, неразрывно связан с растущим культурным влиянием Южной Кореи в регионе, часто описываемый как феномен «корейской волны» (Халлю) (Парубочая, 2024: 106-108). В этом контексте возникает «корейская мечта» – многослойное явление, выходящее за рамки экономического прагматизма. Корейская модель транслирует

ценности, которые лучше воспринимаются в регионе, делая ставку на дисциплину, коллективизм и трудолюбие как ключевые факторы успеха и повышения социального статуса. В контексте данной парадигмы, Южная Корея воспринимается как пространство с минимальными барьерами для реализации индивидуального и коллективного потенциала через установленные социальные механизмы. Соответственно, происходит реконфигурация миграционных предпочтений в Центральной Азии, где стремление к переезду в Республику Корея выходит за рамки временного заработка и трансформируется в долгосрочный вектор социально-экономической интеграции, особенно среди молодого поколения, которое ищет структурированный и предсказуемый путь к успеху.

Цель данного исследования заключается в проведении комплексного анализа феномена «корейской мечты», формирующей миграционные тенденции у молодежи стран Центральной Азии (преимущественно Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана).

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- Выявить ключевые экономические, культурные и образовательные факторы, способствующие формированию «корейской мечты»;
- Проанализировать как инструменты «мягкой силы» Южной Кореи влияют на миграционные установки молодежи;
- Оценить количественные и качественные показатели миграционных намерений молодежи Центральной Азии.

Материалы и методы исследования

Данное исследование реализовано посредством комплексного подхода, который предполагает стратегическое объединение анализа вторичных данных с качественным эмпирическим сбором информации. В качестве основополагающей теоретической базы для объяснения международной привлекательности Республики Корея использована концепция «мягкой силы» Джозефа Ная (Русакова, Ковба, 2016: 14), которая трактует культурные ресурсы как ключевой «полюс притяжения», формирующий миграционные намерения. Для объяснения того, как это культурное влияние трансформируется в конкретные желания, применена теоретическая модель «воображаемых миров» Арджуна Аппадурай (Evrard, 2017). Эмпирическая база исследования формировалась в несколько этапов. Изначально был проведен анализ литературных источников и статистических данных, включавший изучение научной литературы по проблемам транснациональной миграции и публичной дипломатии, а также анализ отчетов, отражающих динамику миграционных потоков и образовательных обменов между Южной Кореей и странами Центральной Азии. Затем, для получения первичных данных, было проведено интервью и сбор жизненных историй у молодых мигрантов. Параллельно был проведен контент-анализ медийного пространства. В выборку вошли ключевые продукты «корейской волны», как сериалы, музыкальные видеоклипы, а также, популярный контент на цифровых платформах Tik-tok и Youtube.

Обсуждение

В контексте обсуждения «корейской мечты» важным представляется ее интерпретация как культурной альтернативы доминирующему западному идеалу успеха. В отличие от ориентированной на радикальный индивидуализм «американской мечты», корейская модель предлагает систему ценностей, которая оказывается более созвучной социальным ожиданиям региона. Построенная на принципах дисциплины, коллективной ответственности и демонстративного трудолюбия, она воспринимается молодыми людьми как реалистичный и проверенный путь к социальной значимости и личной эффективности (Kim, 2012). В результате «корейская мечта» становится не только экономической стратегией, но и символом признания, общественного уважения и гармоничного включения в глобальный современный контекст.

Современная научная литература демонстрирует растущий интерес к тому, как развиваются миграционные процессы между Южной Кореей и странами Центральной Азии. Более того, исследователи активно изучают изменение культурных ориентиров молодежи, формируемых под влиянием инструментов «мягкой силы» Кореи. Укрепление позиции Республики Кореи в качестве мирового центра культурного и экономического притяжения в последние два десятилетия привело к тому, что регион Центральной Азии стал одним из ключевых направлений её мягкого воздействия.

В свете этой динамики для объяснения международной привлекательности Республики Корея и механизмов ее влияния основополагающей теоретической базой выступает концепция «мягкой силы» Джозефа Ная. Данная концепция позволяет структурно разобрать неочевидные источники власти государства, которые основаны не на принуждении, а на притягательности его культурных ресурсов, ценностей и политического имиджа (Сенякина, 2023: 168-169; Парубочая, 2024: 106-109). Продвижение национального бренда Южной Кореи в Центральной Азии является многовекторным проектом, направленным на формирование долгосрочной лояльности и устойчивого партнерства. КОИСА (Korea International Cooperation Agency) – Корейское агентство по международному сотрудничеству выступает как мощный инструмент официальной помощи развитию, реализуя крупные инфраструктурные и гуманитарные проекты, тем самым укрепляя экономические связи и позиционируя Корею как надежного партнера. Параллельно Корейский фонд (Korea Foundation) фокусируется на интеллектуальной дипломатии. Он финансирует исследования, поддерживает программы корееведения в местных университетах и организует обмены, создавая долгосрочную базу для двусторонних отношений. Культурные центры и обучение языку служат мостом к широкой общественности, популяризируя корейский образ жизни, а обширные академические обмены и стипендии гарантируют, что граждане Центральной Азии будут знакомы с корейскими ценностями и культурой. Комплекс этих инструментов формируют позитивное восприятие Южной Кореи как государства, ориентированного на открытое культурное и образовательное взаимодействие. Аналитические данные подтверждают, что молодое поколение региона является приоритетной группой для применения инструментов «мягкой силы», поскольку она наиболее чувствительная к культурным трендам, активно присутствует в онлайн-пространстве и стремится к расширению возможностей социальной мобильности (Варпаховскис, 2021: 267, 274.).

Такое восприятие молодежи открывает возможность рассмотреть процесс формирования «корейской мечты» через призму теоретических подходов, объясняющих логику глобальных культурных взаимодействий. Это может быть пояснено через использование теоретической модели Арджуна Аппадурай в его работе «Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization» 1996 г. Он подчеркивает, что под воздействием глобализации возникают новые «воображаемые миры» – особое пространство, где люди формируют свои ожидания о будущем, находясь под влиянием медиа пространства, миграционных траекторий, культурных трансферов и глобальных коммуникаций (Evrard, 2017). Такие миры определяют не только видение реальности, но и стремление, влияющие на жизненный выбор людей. Современные культурные инструменты, как медиа-контент, модели успеха и бренды, создают такую среду, в которой люди начинают мысленно соотносить себя с отдаленными и труднодоступными географическими и культурными контекстами. Так возникают новые «воображаемые желания», выходящие за пределы локальных социальных условий. Благодаря своему активному культурному производству и привлекательным символам современности, Южная Корея становится элементом этих «воображаемых миров» для центральноазиатской молодежи. Концепция Аппадурай позволяет увидеть, что «корейская мечта» – это культурный синтез глобального образа Кореи и местных ожиданий. Молодое поколение Центральной Азии проецирует свои надежды на этот визуальный медиа образ, делая его символом прогресса.

Комплексный анализ в области миграции, культурологии, международных отношений и социологии, даёт возможность определить ряд стабильных тематических направлений, отражающих специфику формирования «корейской мечты» среди молодежи. Главная тенденция заключается в глобальном феномене корейской волны «Халлю». Отмечается, что распространение корейской культурной продукции – в частности, фильмов, музыкальных композиций, сериалов, элементов моды, кулинарии и цифрового контента – существенно трансформирует культурные ориентиры и социальные установки молодого поколения в зарубежных странах (Титкова, 2019: 153). При поддержке государственных стратегий по развитию культурного сектора, продукты «волны» были трансформированы в мягкий дипломатический инструмент, создающий позитивный и эмоциональный образ страны. Рост влияния южнокорейского контента в центральноазиатском регионе стимулирует внимание молодежи к изучению корейского языка, к знакомству с культурой и к восприятию корейского образа жизни. Данный процесс выражается в увеличении числа центров Института Короля Седжона (King Sejong Institute Foundation) и расширении образовательных обменных инициатив (Парубочая, 2024: 106). В этих условиях, корейская поп-культура становится фактором, который выходит за рамки простого досуга и начинает формировать у молодежи новые представления о социально желаемых моделях, одновременно конструируя образ Южной Кореи как центра эстетической современности, технологического прогресса и стремительного общественного развития.

Одним из важных фокусов исследования является существенный анализ трудовой миграции. Начиная с конца 2000-х г., Южная Корея стала приоритетным пунктом для рабочих из Узбекистана и Кыргызстана. Это произошло благодаря межправительственным соглашениям о системе EPS (Employment Permit System), которая регулирует потоки рабочей силы через ежегодные квоты. Легальные каналы трудоустройства способствовали тому, что молодежь указанных государств начала рассматривать Республику Корею как перспективную страну с реальными возможностями для работы. Парадоксально, но даже при наличии безвизового режима, Казахстан стал источником значительного потока нелегальной миграции в Корею, чьи масштабы выросли более чем в 30 раз (359 чел. в 2014 г. и 12 тысяч чел. в 2018 г.) (За лучшей жизнью..., 2023). Этот факт ярко демонстрирует, что экономическая мотивация казахстанской молодежи настолько сильна, что она принимает на себя правовые риски в погоне за работой. Согласно социологическим данным, основную массу мигрантов представляют молодые мужчины из экономически уязвимых социальных групп. Кроме того, результаты анализа подчеркивают ключевую роль диаспорных структур, в частности общины корё-сарам. В городах, как Кванджу и Ансан, возникли крупные мигрантские сообщества, состоящие из тысяч выходцев бывшего СССР. Наличие русскоязычной инфраструктуры (магазины, кафе, религиозные центры) и плотных социальных связей упрощает въезд и повышает привлекательность Южной Кореи, устраняя языковой барьер для новичков и облегчая их адаптацию (Как живут..., 2019).

Несмотря на обширную научную литературу по миграции и публичной дипломатии, существует дефицит изучения механизма, посредством которого многообразные культурные образы Южной Кореи формируют у молодежи Центральной Азии символическое окрашенное, а не только экономически мотивированное, желание к миграции. Иными словами, вопрос о том, как именно возникает эта «корейская мечта», остается малоисследованным.

Результаты исследования

Проведенное исследование позволило переосмыслить многослойную структуру феномена «корейской мечты», активно формирующегося среди молодежи. Благодаря комплексному подходу, включавшему анализ литературных источников, статистических данных, интервью, медийного контента и эмпирических наблюдений, были выявлены четыре

ключевые группы факторов, которые совокупно влияют на возникновение и устойчивость этого явления. К ним относятся: медийное воздействие, образовательные возможности, экономические стимулы и социально-культурные предпосылки.

Во-первых, воздействие масс-медиа играет решающую роль в создании эмоционально привлекательного образа Южной Кореи. Ключевыми каналами являются корейские сериалы, K-Pop индустрия, Tik-Tok и YouTube. Молодежь активно потребляет этот контент, который изображает Корею как идеальное пространство – технологически развитую, социально упорядоченную, с современной городской средой и возможностями для успешной карьеры. В частности сериалы (дорамы) конструируют образ жизни, где красота, романтика и трудолюбие гармонично сочетаются, внушая аудитории ощущение доступности такого успеха при переезде. Эстетизация реальности – тщательно отобранные актеры-айдолы, «глянцевые» визуальные образы и романтизированные гендерные взаимодействия – производит эффект, что Южная Корея и есть то место, где возможна «правильная» и красивая жизнь. Образ корейских городов – упорядоченных, безопасных и технологичных – усиливает это восприятие. Сериалы это не только художественный продукт, но и инструмент продвижения корейских товаров и культурных ценностей. Внимательно подобранная косметика, еда и одежда формирует впечатление мира, доступного каждому, кто готов стать частью этой культуры (Титкова, 2019: 153-154). Блогеры-мигранты из Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана дополнительно легитимизируют этот образ, демонстрируя «реальные кейсы успеха» в трудовой жизни. Как следствие, медийная инфраструктура не просто формирует мечту, но и создает повседневные сценарии, которые молодежь пытается повторить через моду, стиль общения, профессиональные ориентиры и миграционные стратегии (3 истории молодых..., 2020; Узбеки в Южной Корее..., 2023).

Во-вторых, стремление к корейскому образованию также выступает основным катализатором миграционных намерений. Южная Корея целенаправленно реализует международную образовательную политику, активно привлекая студентов через программы GKS (Global Korea Scholarship) и KOICA, университетские гранты и языковые курсы (Alokhanov, 2020: 198). Цель данной политики – обеспечить доступ к ней как можно большему числу студентов в стране. По состоянию на июль 2025 г., в Южной Корее обучается 270 тысяч иностранных студентов, что на 17,5% больше по сравнению с прошлым годом. Этот показатель означает, что каждый десятый иностранец является студентом. В этом рейтинге первое и второе место занимают Вьетнам и Китай, а третье место достается Узбекистану (более 16 тысяч чел.) (Количество иностранных..., 2025). Высокий рейтинг корейских университетов позволяет воспринимать их как платформу для получения глобально конкурентоспособных знаний. В этом контексте знание корейского языка становится критически важным капиталом, открывающим двери к трудоустройству и профессиональной мобильности. В результате, образование становится не только самоцелью, но и гармонично дополняется экономической привлекательностью, создавая двойной стимул для миграции (Dadabaev, Soipov, 2020: 134). Корейское Агентство содействия торговли и привлечения инвестиций (KOTRA) провело опрос, где выяснилось, что на май 2025 г. 7 из 10 иностранных студентов (71%) выразили желание остаться в Южной Корее после окончания учебы. Однако национальность респондентов не раскрывается. Этот высокий интерес к продолжению карьеры в стране встречает ответную реакцию, где корейские компании, в свою очередь, демонстрируют значительную заинтересованность в найме этих иностранных специалистов (Foreign students..., 2025).

В-третьих, анализ показывает, что сдвиг в миграционных отношениях, прошедших несколько этапов после распада СССР, обусловлен, прежде всего, экономическими изменениями и ужесточением миграционного контроля в России. Соответственно, трудовая миграция в Южную Корею становится ключевым каналом социально-экономической мобильности для молодых граждан региона. Также экономический стимул представляет

одну из наиболее значимых причин переезда, что обусловлено существенной разницей в заработных платах. Молодые мигранты могут получать в Южной Корее доход (около 100 USD за смену), в разы превышающий их потенциальный заработок на родине. По словам одного гражданина Казахстана, потенциальный доход в Южной Корее – 2000 USD и более на постоянной работе, или 1500 USD даже на временных позициях («невольничий рынок») – создает мощную мотивацию к эмиграции. Учитывая, что это в разы превышает среднюю заработную плату в Казахстане (около 450 USD), становится очевидным, почему молодежь демонстрирует столь устойчивое стремление к переезду (Поражает трудолюбие..., 2018). Для граждан Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана миграция облегчается наличием легальных и менее рискованных каналов. Для этих стран созданы квоты: для Кыргызстана – около 1800, для Узбекистана – порядка 3200 мест, для Таджикистана – 800 мест (Рахмонов, 2025: 169). При этом отсутствие аналогичных соглашений с Казахстаном ведет к процветанию нелегальной миграции, что ставит работников в крайне уязвимое положение. Этот контраст, однако, не снижает значимости высокого заработка и возможностей для быстрого капитала.

Четвертым направлением являются социально-культурные факторы. Молодежь привлекает образ Кореи как государства, достигшего стремительного развития благодаря своей высокой культуре труда и общественной дисциплине. Ключевое значение имеет восприятие корейского общества как меритократического, где личные усилия и упорство напрямую вознаграждаются успехом и карьерным ростом. Результаты интервью показывают, что молодые люди видят в миграции не только экономическую выгоду, но и шанс на обретение личной независимости и свободы, а также на выход за рамки социальных и гендерных ограничений, существующих на родине. Одним из существенных результатов является понимание особенностей корейской трудовой этики и иерархии. Молодые мигранты единодушно отмечают такие черты, как дисциплина, физическая выносливость и неуклонное стремление к эффективности. Они подчеркивают, что руководство работает наравне с подчиненными. Один из мигрантов подтвердил суровый ритм: в корейской трудовой культуре отсутствует понятие «выспаться», поскольку рабочий день начинается рано и требует постоянного и полного включения в процесс. Для молодых специалистов, в частности, для казахстанцев, этот интенсивный темп представляет собой одновременно серьезное испытание и впечатляющий образец трудолюбия (Сченснович, 2023: 65).

Анализ исследования выявляет двойственность «корейской мечты», заключающуюся в значительном разрыве между ожиданиями и реальными трудовыми условиями. Интервью с мигрантами из Центральной Азии (включая истории мужчины, потерявшего палец в результате производственной травмы, и женщины, столкнувшейся с дискриминацией) показывают, что условия труда в Корее зачастую тяжелые: они характеризуются длительными (до 12-14 часов в день) сменами, высоким риском травматизма, стрессом и необходимостью строгого соблюдения норм (Как живут ..., 2019; Поражает трудолюбие..., 2018). Эта уязвимость усугубляется для нелегальных мигрантов, а также усиливается языковым барьером, культурными различиями и социальной изоляцией на рабочем месте. Тем не менее, мотивация к длительному пребыванию остается высокой. Мигранты объясняют свое желание задерживаться в Корее максимальным долго сочетанием высокой зарплаты, ощущения безопасности, социальной защищенности и уважительного отношения, которых, по их словам, им не хватает на родине. Для многих это становится способом утвердить личную независимость, изменить социальный статус и преодолеть ограничения в своих странах, несмотря на требование быть «очень быстрыми, немногословными и трудолюбивыми» для сохранения рабочего места (Choi, Kim, 2014: 99-100).

Проведенный анализ позволил переосмыслить многослойную структуру феномена «корейской мечты», выявив четыре ключевых катализатора его устойчивого формирования среди молодежи Центральной Азии. Однако исследование обнаружило двойственность этого

феномена. Привлекательный образ, созданный масс-медиа, резко контрастирует с тяжелыми реалиями корейского рынка труда, характеризующимися высокой интенсивностью и рисками. Тем не менее, мотивация к длительному пребыванию остается высокой, поскольку мигранты готовы мириться с трудностями, что подтверждает функцию «корейской мечты» как мощного канала социально-экономической мобильности.

Заключение

Проведенный анализ феномена «корейской мечты» среди молодежи Центральной Азии подтверждает его многофакторный и глубоко укорененный характер. Результаты исследования выходят за рамки простого описания миграционных потоков, позиционируя «корейскую мечту» как новый, социокультурный конструктор, который формировался на пересечении геоэкономических сдвигов, целенаправленной культурной политики Южной Кореи и личных стремлений молодого поколения Центральной Азии к социальной мобильности. Это явление представляет собой не просто смену географической локации для заработка, а смену ценностной парадигмы, где Южная Корея выступает в роли символического пространства для реализации потенциала, который молодые люди считают недоступным или ограниченным на их родине. Одним из наиболее значимых результатов исследования является выявление «корейской мечты» как успешной культурной и экономической альтернативы западному идеалу успеха, воплощенному в «американской мечте». Если последняя традиционно базируется на принципах радикального индивидуализма и быстрого обогащения, то корейская модель предлагает путь к социальной значимости и экономической стабильности через принципы дисциплины, коллективизма и доказанного трудолюбия. Эта ценностная матрица, созвучная социальным ожиданиям региона, эффективно позиционируется как более реалистичный и структурированный путь к успеху. Экономическая мотивация, подкрепленная возможностью получить заработок, в разы превышающий доходы на родине, остается ключевой движущей силой, но ее эффективность усиливается благодаря культурному обрамлению, делающему цель не только достижимой, но и эстетически привлекательной. Таким образом, «корейская мечта» функционирует как культурный синтез, где прагматизм и ценности взаимно усиливают друг друга. Исследование однозначно фиксирует высокую эффективность проекта «мягкой силы» Южной Кореи. Многовекторные программы не просто популяризируют культуру, но и целенаправленно формируют позитивное эмоциональное восприятие страны. Медийное воздействие, в частности через дорамы и K-Pop, выступает решающим катализатором, создавая «воображаемые миры», в которых молодежь легко проектирует для себя сценарии успешной жизни. Этот эффект культурного притяжения трансформирует Южную Корею из абстрактного государства в желанную локацию, ускоряя принятие миграционных стратегий. Центральным парадоксом, выявленным в ходе исследования, является существенный разрыв между романтизированными ожиданиями и суровой миграционной реальностью. Мигранты сталкиваются с долгими рабочими днями, высоким риском травматизма, языковыми барьерами, возможной дискриминацией и, в случае нелегальной миграции, угрозой депортации. Тем не менее, мотивация к длительному пребыванию остается исключительно высокой. Это объясняется тем, что Корея, даже в условиях тяжелого труда, предлагает мигрантам ощущение безопасности, порядка, уважительного отношения к труду и, самое главное, реальную возможность для утверждения личной экономической независимости, которая зачастую недостижима в странах происхождения из-за структурных и коррупционных ограничений. Стремление к финансовой выгоде и чувство личной самореализации перекрывают потенциальные юридические и физические риски. Это наглядно демонстрирует пример мигрантов, чей прагматизм обеспечил достижение их финансовых целей. Исследование продемонстрировало важность фактора легальности. Наличие легальных каналов миграции не только облегчает приток рабочей силы, но и

снижает социальную уязвимость мигрантов. И наоборот, отсутствие такого соглашения с Казахстаном приводит к процветанию нелегальной миграции, что служит ярким подтверждением доминирующей силы экономического стимула, который преодолевает даже серьезные правовые риски. Кроме того, был установлен ключевой механизм социального включения в виде диаспорных структур, в частности общины корё-сарам. Эти сети, возглавляемые такими лидерами, как представитель Ассоциации в Кванджу, исполняют роль неформальных посредников и социальных навигаторов. Они предоставляют информационную безопасность, помогают избегать мошеннических схем и обеспечивают первичное трудоустройство, сглаживая таким образом трудности адаптации и усиливая солидарность внутри общины. Это формирует устойчивую «экосистему» поддержки, которая является незаменимым ресурсом для новичков. Важным теоретическим вкладом исследования является вывод о том, что для большинства молодых мигрантов Корея воспринимается не как конечная точка, а как стратегический этап в глобальной траектории. Молодые люди рассматривают свое пребывание в Корее как возможность аккумулировать не только финансовые ресурсы, но и человеческий капитал для будущих проектов. В их стратегиях «корейская мечта» – это стартовая площадка для открытия бизнеса в Центральной Азии, запуска инвестиционных стартапов или развития международных связей. Этот прагматичный транснационализм подтверждает, что успех определяется не местом постоянного проживания, а возможностью использовать полученный опыт для достижения глобальной социальной мобильности, включая возвращение на родину с новым, более высоким статусом. В итоге, «корейская мечта» является символом прогресса, социальной мобильности и личной эффективности в современном мире. Она позволяет молодому поколению эффективно преодолеть локальные социальные и экономические ограничения, пусть даже ценой принятия суровых требований корейской трудовой культуры.

Результаты исследования открывают широкие перспективы для дальнейшего изучения. Необходимо сравнить «корейскую мечту» с другими региональными моделями для выявления уникальных и универсальных элементов, привлекающих мигрантов. Исследование может быть дополнено анализом того, как мигранты, достигшие своих целей в Корее, используют свой капитал на родине, и насколько эффективно этот опыт трансформируется в экономическое развитие Центральной Азии. Также стоит изучить, как феномен и связанный с ним отток «лучших» влияет на политику стран Центральной Азии в сфере образования, молодежной занятости и борьбы с коррупцией. Таким образом, «корейская мечта» – это не просто миграционный тренд, а глубокий индикатор глобальных сдвигов, показывающий, что культурная политика и ценностное предложение могут стать не менее мощным фактором миграции, чем традиционные экономические различия.

Литература:

3 истории молодых..., 2020 – 3 истории молодых и успешных узбекистанцев, которые строят карьеру в Южной Корее // <https://vseokoree.com/news/3-istorii-molodykh-i-uspeshnykh-uzbekistantsev-kotorye-stroyat-kareru-v-yuzhnoj-koree> (Дата обращения: 20.11.2025).

Варпаховскис, 2021 – Варпаховскис Э. Дипломатия знаний как инструмент внешней политики Республики Корея: теоретические аспекты и практическое применение на примере KOICA Scholarship Program // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 2. С. 265-278.

За лучшей жизнью..., 2023 – За лучшей жизнью: почему казахстанцы так стремятся в Южную Корею // <https://orda.kz/korea-why/> (Дата обращения: 20.11.2025).

Как живут ..., 2019 – Как живут в Корее мигранты из Центральной Азии // <https://russian.eurasianet.org/как-живут-в-корее-мигранты-из-центральной-азии> (Дата обращения: 29.10.2025).

Количество иностранных..., 2025 – Количество иностранных студентов в Южной Корее достигло рекордных показателей, превысив 270 тысяч человек // https://vk.com/wall-208655345_29388?ysclid=mig5dl1euc524396727 (Дата обращения: 26.11.2025).

Парубочая, 2024 – *Парубочая Е.Ф.* Корейская публичная дипломатия в Центральной Азии // *Корееведение в России: направление и развитие.* 2024. Т. 5. № 2. С. 102-114.

Поражает трудолюбие..., 2018 – Поражает трудолюбие жителей Кореи // <https://rus.azattyq.org/a/kazakh-labour-migrant-south-korea/29302540.html> (Дата обращения: 26.11.2025).

Рахмонов, 2025 – *Рахмонов А. Х.* Новое направление трудовой эмиграции из стран Центральной Азии в Республику Корея в контексте глобальных вызовов // *Вестник ГУУ.* 2025. №6. С. 162-174.

Русакова, Ковба, 2016 – *Русакова О. Ф., Ковба Д. М.* Стратегические модели «мягкой силы» стран восточноазиатского региона // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.* 2016. Т. 12, № 2. С. 14-29.

Сенякина, 2023 – *Сенякина Н. В.* Перспективы развития публичной дипломатии Республики Корея в Центральной Азии // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* 2023. №9-1 (84). С. 168-172.

Сченснович, 2023 – *Сченснович В. Н.* Миграционные особенности стран Центральной Азии. (Аналитический обзор) // *Россия и мусульманский мир.* 2023. №1 (327). С. 59-71.

Титкова, 2019 – *Титкова Н. Е.* Корейская драма как феномен азиатской массовой культуры // *Культура и цивилизация.* 2019. Т. 9. № 5А. С. 152-159. Kim, 2012 – *Kim Seong-kon.* The American dream versus the Korean dream // <https://www.koreaherald.com/article/10355722> (Дата обращения: 25.10.2025).

Узбеки в Южной Корее..., 2023 – Узбеки в Южной Корее. Как узбекистанцы переезжают и строят успешную карьеру за рубежом // <https://weproject.media/articles/detail/uzbeki-v-yuzhnoy-koree-kak-uzbekistanty-perezzhayut-i-stroyat-uspeshnyu-kareru-za-rubezhom/> (Дата обращения: 26.11.2025).

Alokhanov, 2020 – *Alokhanov M.T.* Uzbekistan-South Korea: New Perspectives of Cooperation in the Education Sector // *EPRA International Journal of Multidisciplinary Research.* 2020. Vol. 6, № 12. P. 197-200.

Choi, Kim, 2014 – *Choi Jinsook and Yejin Kim.* Central Asian Students' Adjustment Experiences at a «Globalized» Korean University // *International Education Studies.* 2014. Vol. 7. No. 8. P. 94-103.

Dadabaev, Soipov, 2020 – *Dadabaev T. Soipov J.* Craving Jobs? Revisiting Labor and Educational Migration from Uzbekistan to Japan and South Korea. 2020. Vol. 5. No. 2, P. 111-140.

Evrard, 2017 – *Evrard, A.Y.* An Analysis of Arjun Appadurai's Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalisation // https://www.researchgate.net/publication/322738167_Modernity_at_large_Cultural_dimensions_of_globalisation (Дата обращения: 18.11.2025).

Foreign students..., 2025 – Foreign students eager to stay, work in Korea // <https://www.koreaherald.com/article/10521995> (Дата обращения: 25.11.2025).

Kim, 2012 – *Kim Seong-kon.* The American dream versus the Korean dream // <https://www.koreaherald.com/article/10355722> (Дата обращения: 25.10.2025).

References:

3 istorii molodykh..., 2020 – 3 istorii molodykh i uspehnykh uzbekistantsev, kotorye stroyat karyeru v Yuzhnoy Koreye [3 stories of young and successful Uzbeks who are building careers in South Korea] // [Elektronnyj resurs] URL: <https://vseokoree.com/news/3-istorii-molodykh-i-uspeshnykh-uzbekistantsev-kotorye-stroyat-kareru-v-yuzhnoj-koree> (Accessed 20.11.2025) (In Rus).

Alokhanov, 2020 – *Alokhanov M.T.* Uzbekistan-South Korea: New Perspectives of Cooperation in the Education Sector // *EPRA International Journal of Multidisciplinary Research*. 2020. Vol. 6, № 12. P. 197-200.

Choi, Kim, 2014 – *Choi Jinsook and Yejin Kim.* Central Asian Students' Adjustment Experiences at a «Globalized» Korean University // *International Education Studies*. 2014. Vol. 7. No. 8. P. 94-103.

Dadabaev, Soipov, 2020 – *Dadabaev T. Soipov J.* Craving Jobs? Revisiting Labor and Educational Migration from Uzbekistan to Japan and South Korea. 2020. Vol. 5. No. 2, P. 111-140.

Evrard, 2017 – *Evrard, A.Y.* An Analysis of Arjun Appadurai's Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalisation [Elektronnyj resurs] URL: https://www.researchgate.net/publication/322738167_Modernity_at_large_Cultural_dimensions_of_globalisation (Accessed 18.11.2025).

Foreign students..., 2025 – Foreign students eager to stay, work in Korea [Elektronnyj resurs] URL: <https://www.koreaherald.com/article/10521995> (Accessed 25.11.2025).

Kak zhivut ..., 2019 – Kak zhivut v Koree migranty iz Tsentral'noy Azii [How migrants from Central Asia live in Korea] [Elektronnyj resurs] URL: <https://russian.eurasianet.org/как-живут-в-коре-мигранты-из-центральной-азии> (Accessed 29.10.2025) (In Rus).

Kim, 2012 – *Kim Seong-kon.* The American dream versus the Korean dream [Elektronnyj resurs] URL: <https://www.koreaherald.com/article/10355722> (Accessed 25.10.2025).

Kolichestvo inostrannykh..., 2025 – Kolichestvo inostrannykh studentov v Yuzhnoy Koree dostiglo rekordnykh pokazateley, prevysiv 270 tysyach chelovek [The number of foreign students in South Korea reached a record high, exceeding 270 thousand people] [Elektronnyj resurs] URL: https://vk.com/wall-208655345_29388?ysclid=mig5dl1euc524396727 (Accessed 26.11.2025) (In Rus).

Parubochaya, 2024 – *Parubochaya E.F.* Koreyskaya publichnaya diplomatiya v Tsentral'noy Azii [Korean public diplomacy in Central Asia] // *Koreevedenie v Rossii: napravlenie i razvitie*. 2024. T. 5. № 2. S. 102-114. (In Rus).

Porazhaet trudolyubie..., 2018 – Porazhaet trudolyubie zhiteley Korei [The diligence of the inhabitants of Korea is striking] [Elektronnyj resurs] URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakh-labour-migrant-south-korea/29302540.html> (Accessed 26.11.2025) (In Rus).

Rakhmonov, 2025 – *Rakhmonov A. Kh.* Novoe napravlenie trudovoy emigratsii iz stran Tsentral'noy Azii v Respubliku Koreya v kontekste global'nykh vyzovov [A new direction of labor emigration from Central Asian countries to the Republic of Korea in the context of global challenges] // *Vestnik GUU*. 2025. №6. S. 162-174. (In Rus).

Rusakova, Kovba, 2016 – *Rusakova O. F., Kovba D. M.* Strategicheskie modeli «myagkoy sily» stran vostochnoazatskogo regiona [Strategic models of "soft power" in the countries of the East Asian region] // *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2016. T. 12, № 2. S. 14-29. (In Rus).

Schensonovich, 2023 – *Schensonovich V. N.* Migratsionnye osobennosti stran Tsentral'noy Azii. (Analiticheskiy obzor) [Migration features of Central Asian countries. (Analytical Review)] // *Rossiya i musulmanskii mir*. 2023. №1 (327). S. 59-71. (In Rus).

Senyakina, 2023 – *Senyakina N. V.* Perspektivy razvitiya publichnoy diplomatii Respubliki Koreya v Tsentral'noy Azii [Prospects for the development of public diplomacy of the Republic of Korea in Central Asia] // *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2023. №9-1 (84). S. 168-172. (In Rus).

Titkova, 2019 – *Titkova N. E.* Koreyskaya dorama kak fenomen aziatskoy massovoy kul'tury [Korean drama as a phenomenon of Asian mass culture] // *Kultura i tsivilizatsiya*. 2019. T. 9. № 5A. S. 152-159. (In Rus).

Uzbeki v Yuzhnoy Koree..., 2023 – Uzbeki v Yuzhnoy Koree. Kak uzbekistantsy perezzhayut i stroyat uspehnuyu kar'eru za rubezhom [Uzbeks in South Korea. How Uzbeks move and build successful careers abroad] [Elektronnyj resurs] URL:

<https://weproject.media/articles/detail/uzbeki-v-yuzhnoy-koree-kak-uzbekistantsy-pereezzhayut-i-stroyat-uspeshnyu-kareru-za-rubezhom/> (Accessed 26.11.2025) (In Rus).

Varpakhovskis, 2021 – Varpakhovskis E. Diplomatiya znaniy kak instrument vneshney politiki Respubliki Koreya: teoreticheskie aspekty i prakticheskoe primeneniye na primere KOICA Scholarship Program [Knowledge diplomacy as a tool of the foreign policy of the Republic of Korea: theoretical aspects and practical application on the example of the KOICA Scholarship Program] // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2021. T. 23. № 2. S. 265-278. (In Rus).

Za luchshey zhiznyu..., 2023 – Za luchshey zhizn'yu: pochemu kazakhstantsy tak stremyatsya v Yuzhnyu Koreyu [For a better life: why Kazakhstanis strive so much for South Korea] [Elektronnyj resurs] URL: <https://orda.kz/korea-why/> (Accessed 20.11.2025) (In Rus).

^{*1} Смагулова С.Р. ² Абжаппарова Б.Ж.

^{1,2} Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан
E-mail: ¹ sabina.sm04@mail.ru, ² hadisha_1960@mail.ru

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЖАСТАРЫНДА «КОРЕЙ АРМАНЫНЫҢ» ҚАЛЫПТАСУЫ

Аңдатпа. Мақалада Орталық Азия елдері (негізінен Қазақстан, Қырғызстан және Өзбекстан) жастары арасында тұрақты көші-қон үрдістерін қалыптастыратын жаңа әлеуметтік-мәдени конструктор ретіндегі «корей арманы» феноменіне кешенді талдау жасалды. Бұл жұмыстың мақсаты – «корей арманының» қалыптасу механизмдерін анықтау және талдау. Жұмыстың маңыздылығы геэкономикалық өзгерістер мен «корей толқынының» өсіп келе жатқан мәдени ықпалынан туындаған дәстүрлі көші-қон траекториясының ауысу себептерін түсінуде жатыр. Зерттеу бұл құбылысты жас ұрпақтың әлеуметтік ұтқырлыққа және экономикалық еркіндікке деген тұрақты ұмтылысын білдіретін ерекше әлеуметтік-мәдени механизм ретінде қарастырады. Жаңашылдығы Дж. Найдның «жұмсақ күш» концепциясы мен А. Аппадураидың «қиялдағы әлемдер» теориялық моделін біріктіру арқылы феноменді кешенді талдауда. Бұл тәсіл Оңтүстік Кореяның мәдени тартымдылығынан туындайтын, тек экономикалық уәжді ғана емес, сонымен қатар символдық мәнге ие көші-қон ниетінің қалыптасу механизмдерін ашуға мүмкіндік береді. Жұмыстың негізгі тезисі – «корей арманының» батыстық табыс идеалына мәдени балама ретінде қызмет ететінін, табысқа жетудің кілті ретінде тәртіп, ұжымшылдық және еңбекқорлық қағидаттарын ұсынатынын көрсету. Зерттеу статистикалық деректерді, ғылыми әдебиеттерді және интернет кеңістігін талдауды қамтитын кешенді әдіснамалық тәсілмен жүзеге асырылды. «Корей арманының» төрт негізгі катализаторы анықталды: медиа әсері, білім беру ұтқырлығы, жоғары экономикалық ынталандырулар және әлеуметтік-мәдени алғышарттар. Нәтижесінде орталық парадокс анықталды: романтикалық күтулер мен Корей еңбек нарығының шындықтары арасындағы айтарлықтай алшақтық. Дегенмен, ұзақ мерзімді тұруға деген уәж жоғары болып қалады. Себебі, Корея ауыр еңбек жағдайында да мигранттарға туған елінде қол жетпейтін экономикалық тәуелсіздік пен әлеуметтік ұтқырлыққа жету үшін нақты мүмкіндік береді. Қорытынды «корей арманының» адами және қаржы капиталын жинақтаудың стратегиялық кезеңі ретінде жұмыс істейтінін растайды, бұл қазіргі көші-қонның трансұлттық сипатын көрсетеді.

Кілт сөздер: Оңтүстік Корея, Орталық Азия, көші-қон, корей арманы, жұмсақ күш, корей толқыны, жастар, еңбек миграциясы, әлеуметтік ұтқырлық.

^{*1} Smagulova S.R. ² Abzhapparova B.Zh.

^{1,2} L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

E-mail: ¹sabina.sm04@mail.ru, ²hadisha_1960@mail.ru

THE FORMATION OF THE «KOREAN DREAM» AMONG CENTRAL ASIAN YOUTH

Abstract. This study presents a comprehensive analysis of the "Korean Dream" phenomenon as a new socio-cultural construct that shapes persistent migration trends among youth in Central Asian countries (primarily Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan). The purpose of this work is to identify and analyze the mechanisms by which the "Korean Dream" is formed. The significance of the work lies in understanding the reasons for the shift in the traditional migration trajectory, which is caused by geo-economic changes and the growing cultural influence of the "Korean Wave" (*Hallyu*). The study interprets this phenomenon as a unique socio-cultural mechanism that expresses the young generation's sustained desire for social mobility and economic freedom. The novelty lies in the complex analysis of the phenomenon through the integration of Joseph Nye's "soft power" concept and Arjun Appadurai's theoretical model of "imagined worlds." This approach allows for the revealing of mechanisms that form symbolically-charged, rather than solely economically motivated, migration intentions, which are created by the cultural attractiveness of South Korea. The key thesis of the work demonstrates that the "Korean Dream" functions as a cultural alternative to the Western ideal of success, proposing principles of discipline, collectivism, and diligence as keys to achieving success. The study was implemented using a comprehensive methodological approach, including the analysis of statistical data, scientific literature, and internet space analysis. Four key catalysts for the "Korean Dream" were identified: media influence, educational mobility, high economic incentives, and socio-cultural prerequisites. As a result, a central paradox was discovered: a significant gap between romanticized expectations and the realities of the Korean labor market. Nevertheless, the motivation for a long-term stay remains high. This is explained by the fact that Korea, even under conditions of hard labor, provides migrants with a real opportunity to achieve economic independence and social mobility, which is difficult to access in their countries of origin. The conclusion confirms that the "Korean Dream" functions as a strategic stage for the accumulation of human and financial capital, reflecting the transnational nature of modern migration.

Keywords: South Korea, Central Asia, migration, Korean Dream, soft power, Korean Wave, youth, labor migration, social mobility.

Автор туралы ақпарат:

Смагулова Сабина Рустемовна, магистрант, Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Абжаппарова Бибихадиша Журсиновна, тарих ғылымдарының докторы, шығыстану кафедрасының профессоры, Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан.

Информация об авторе:

Смагулова Сабина Рустемовна, магистрант, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Абжаппарова Бибихадиша Журсиновна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Author information:

Smagulova Sabina Rustemovna, master's student, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Abzhapparova Bibikhadisha Zhursinovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Oriental Studies, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

*Келіп түсті 9 желтоқсан 2025 жыл
Қабылданды 28 қаңтар 2026 жыл*